

13. *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М. : Ренессанс, 1992. 312 с.
14. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
15. *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
16. *Уемов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю.* Общая теория систем для гуманитариев. Варшава : Universitas Rediviva, 2001. 276 с.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
18. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 391—407.

ББК 60.023

Г. С. Смирнов

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМНОГО ВЕЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛИТИЙ

Показано, что применение принципа подобия позволяет представить проекцию процесса биологической цефализации в биосфере на формы социальной, государственной, технической и компьютерной цефализации ноосферы.

Ключевые слова: цефализация, вселенское чувство, эволюция мозга, синергия разума, цефализация ноосферы.

The article deals with phenomenon of cefalization of noosphere.

Key words: cefalization, sense of universe, evolution of brain, cinergy of mind, cefalization of noosphere.

Когнитивный универсум и ноосферная реальность

Специалисты в области когнитологии утверждают, что человек в своих познавательных возможностях предстает единым в трех лицах: как крокодил, как лошадь и как человек — в соответствии с историческими формами эволюции мозга. Аристотель рассматривал эту проблему в контексте более широко, его «универсальный эволюционизм» изображал душу в трех измерениях — душа растительная, душа животная, душа человеческая. История философии знает и еще более широкие модели растворения во вселенной отражательно-познавательных способностей: панпсихизм предполагает самоотражение Универсума, Вселенная выступает как самонаблюдатель и как самосозидатель по герметическому принципу подобия. В этом смысле эволюция разума Вселенной предстает как филогенез, а формация земного разума человечества как онтогенез. Естественно, что процесс онтогенеза земной ноосферы идет значительно быстрее, чем эволюция разума организма вселенной, течение беременности человеческого разума схоже с беременностью, порождающей человеческую телесность (в соответствии с законом Геккеля — Мюллера).

© Смирнов Г. С., 2012

Так выстраивается стрела *ноосферного времени*, первые подходы к анализу которого осуществляли П. Тейяр де Шарден (преджизнь — жизнь — разум) [9] и В. И. Вернадский (пространство и время в живой и неживой природе) [4]. Синергетика разума (на философском языке точнее было бы сказать «синергия разума») на настоящий момент в достаточно полной мере отвечает методологической сложности репрезентации конвульсий мирового ноосферного сознания.

Современный разум, перманентно находящийся в точке бифуркации, существует даже не в трех измерениях (крокодила, лошади и человека), а в значительно большем количестве трансграничных версий самоидентификации и самореализации. Современная ноосфера думает когитомодусами не только домашних животных, но и диких животных: выбрасывающиеся на берег киты в последнее время сменились увечащими людей акулами. Еще более суровы формы геологического мышления Геи (Д. Лавлока), ибо стихийные бедствия всегда лишь последствия колоссальных информационных подвижек биосферно-ноосферного развития. Мертвая когнитология современной техногенной цивилизации душит, судя по всему, не только живую природу, но и живого человека: все, кто не обслуживает современную техносферу, предстают как лишние люди, в сообществе техно-людей экологическая ниша ноосферных людей становится все незаметнее, человеческий разум все более вытесняется псевдоразумом компьютерных систем, имеющих свои значительные ограничения не только по когнитивному потенциалу, но и даже по когнитивным ресурсам. Конечно, техномыслящая ноосфера как этап субстанционального развития человеческого разума вполне закономерна и даже оправданна, но институциональная абсолютизация этой преходящей формы может оказаться чрезвычайно губительной.

На повестке дня — когнитивная человеческая революция, которая позволит преодолеть геоархетипы пресмыкающегося, все без разбору пожирающего крокодила и подневольно и неосмысленно работающей без обозначения цели лошади. Когнитивный взрыв не ограничивается лишь информационным взрывом, более того, думается, что они не столько друзья, сколько враги: неравновесность и негармоничность когнитивного универсума порождают диссонансность ноосферной реальности.

В течение долгого времени управленческие процессы в становящейся ноосфере носили субъектно-монархический, группо-олигархический или коллективно-классовый, т. е. заведомо когнитивно ограниченный, характер. Только в эпоху глобально-коммуникативного общества появляется возможность создания не анти- или псевдодемократических механизмов манипулирования социумом, но сетевой организованности когнитивного потенциала ноосферно-эволюционирующего человеческого сообщества с целью форсирования коэволюционных процессов взаимодействия общества и природы, биосферы и цивилизации.

Когнитивная синергетика — одна из важнейших предпосылок ноосферного развития в третьем тысячелетии [10]. Ноосферное человечество предстает в этом плане как единый и взаимосвязанный когнитивно-информационный и ноосферно-семиотический универсум, самосозидающий аттракторы и поисковые деятельностные формы предустановленной гармонии. Ноосферная монада как коллективно-соборное человечество — своеобразное следствие когнитивной пантомии, начинающей обозначать себя даже в столь несовершенных формах виртуальной (информационно-компьютерной) реальности.

Истоки проблемы ноосферной цефализации

Платоновская мудрость сохранила для современного человечества представления о Вселенной как Живом Космосе: Вселенная — организм, подобный организму человека, из этой мировоззренческой конструкции вырастает представление, которое в действительности отвечает биосферному видению мира: живое и неживое вещество вступают в сложнейшие соотношения между собой, организовывая тем самым не только планетарную, но и космопланетарную организмическую целостность. Таким образом, идея В. И. Вернадского о биосферности бытия и о процессе перехода биосферы в ноосферу [3], оказывается, имеет более широкое значение, чем могло бы показаться вначале, она весьма эвристична для понимания процессов, происходящих в становящемся глобальном человечестве.

Герметические принципы и цивилизационная цефализация

Принцип подобия, взятый из герметической философии, представляет собой самый убедительный пример выхода не только в формы верха и низа, но и в формы правого и левого, тем самым позволяет угадать форму бытия, невозможную (и не данную) для органов человеческого тела, именно *мозг оказывается главным чувствилищем вселенной*, выходя даже за пределы максимально возможного *сердечного чувствилища*, не говоря уже о традиционных 5 чувствах. Так принципиально переформатируется вся гносеология, построенная на традиционных подходах материально-физиологического взгляда на природу человека (которая в этом случае фактически исключает космическую модусность человека: космическая гносеология не выходит за рамки философии, она только неизмеримо расширяет гносеологическое пространство человеческого бытия). Современная наука подошла к тому времени, которое реально делает человека космическим гнозисом.

Вселенское чувство миробытия

Представление И. И. Лапшина о вселенском чувстве, присущем человеку, его отраженности в мировой литературе, дает возможность не только выйти на новый гносеологический уровень, но и обнаружить значимость экологии разума для выявления специфики «ноосферного перехода». Вселенское чувство человека позволяет понять космическую природу человеческого сознания, установить космопланетарные формы тождества абсолютного максимума и абсолютного минимума.

Философия универсального эволюционизма предполагает выстраивание процессов коэволюции в системе «Человек — Общество — Природа», взятой как максимально возможная, охватываемая наукой (и более широко — сознанием) целостность. Антропологическая досягаемость и достигаемость Вселенского бытия в значительной мере и определяет преодоление агностического парадокса («чем больше знаешь, тем больше не знаешь»). Критерий сознаниевого обозначения окружающей среды для каждого человека свой, и определяется он спецификой космогенетической, биогенетической, социогенетической и культурно-генетической наследственности.

Цефализация как духовная инициация

Примером гностической инициации может служить знаменитая картина М. Н. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», в которой задается способ понимания как расширения окружающей среды: только выйдя за рамки старой — прежней, предшествующей — системы возникает возможность переосмыслить взглядом издалека прежний объем телесно-духовной погруженности в бытие. Именно так работает в антропологическом контексте теорема Геделя о неполноте. Выход из этого познавательного тупика обычно совершается через индукцию, аналогию (как своего рода расширенную индукцию, в которой вывод делается не из одного единичного суждения, а *через* или *посредством* схожести нескольких единичных суждений).

Истоки парадигмы цефализации

В индийской философской традиции сформировалось представление о том, что каждый человек есть своеобразные глаза и уши вселенной, вселенная чувствует саму себя посредством людей, которые неотрывны от ее организма. С философской точки зрения эта ситуация предполагает наличие проблемы постижения клеткой огромного организма самого этого организма. Даже нервная клетка не может обладать полной информацией об организме, такого рода полная информация о пребывании организма в среде обитания должна быть дана организму через мозг, который и является в этом случае системой большей, нежели сам организм как форма биологической субстратности. Весьма важно в этом плане и то, что в человеческом организме происходят экологические процессы взаимодействия (отношения) живого и неживого вещества. Однако полевые отношения в данном случае предстают в качестве важнейших, ибо они могут оказаться системообразующими.

Космос организма человека — 300 трлн клеток организма, 100 млрд нервных клеток, 15 млрд нейронов. Биосферный (ноосферный) космос — 15 млрд людей на планете Земля (по подсчетам С. П. Капицы, население Земли не должно превышать 11 млрд человек). Уже в этом контексте мозг человека, управляющий организмом, количественно подобен возможной человеческой структуре ноосферы. Проблема заключается в том, как выстраиваются отношения между людьми — есть ли похожесть между такого рода людскими коммуникативными взаимодействиями и взаимодействиями между нейронами в логике эволюции живого вещества.

Г. П. Аксёнов, анализируя труды Вернадского, посвященные процессам цефализации, напоминает: «Энцефалоз, или цефализация, — палеонтологический термин, который обозначает увеличение массы и повышение организации головного мозга организмов в процессе эволюции. Введен в науку американским геологом Дж. Дана (Dana) (1813—1895). Дана рассмотрел цефализацию на примере ракообразных и пришел к выводу, что головной мозг, в отличие от других органов, никогда с течением времени в ходе изменений организмов не деградировал, а постоянно прогрессировал. В. И. Вернадский возводит научное положение Дж. Дана в принцип и называет его в числе 20 важнейших эмпирических обобщений высшего ранга...» [1, с. 720].

Цефализация как процесс развития головного мозга многочисленных форм живого вещества, таким образом, есть процесс не просто биологический или биосферный — это процесс космический, ибо он представляет со-

бой способ адаптации к космическому организму Вселенной. Вселенское чувствилище есть адекватная форма космического бытия человека.

Цефализация ноосферы — особая надсоциальная (метасоциальная, социоприродная) форма биосферно-цивилизационного развития, имеющая космическую телеологичность.

Биологическая и социальная цефализация

Исторический процесс развития человеческой цивилизации дает нам возможность проследить эволюцию (экологическую эволюцию) Разума на планете Земля. На первый взгляд, этим занимается антропология (философская в том числе), но в действительности полнота комплексности обеспечивается рассмотрением проблемы через призму биосферологии и ноосферологии как дисциплин, претендующих на предельную синтетичность. (Думается, что эта комплексность значительно шире, нежели агрегированность NBIC (нано-, био-, инфо-, когнито-), ибо в систему приоритетов, как это ни странно, не включена экология, а биология, как видно из контекста, в известной мере ограничивается лишь «большой генетикой».)

За период человеческой эволюции (эволюции *homo sapiens*) цефализация биологическая фактически переросла в цефализацию социальную (и выступает как специфическая форма социализации).

В XX веке отчетливо стало видно, что, *во-первых*, наряду с организованностью экономической цефализации (она всегда была ведущим фактором, но отчетливо эту мысль выразил Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а К. Маркс в «Капитале» раскрыл институционально-организационные формы), сложилась организованность социальной цефализации и техно-цефализации, *во-вторых*, наряду с формами национальной и региональной цефализации, постепенно сформировалась модель глобальной цефализации человеческой цивилизации (в этом смысле цефализация цивилизации предстает как одна из центральных проблем социальной философии в целом).

Цефализация: постнеклассический дискурс

Постнеклассическая наука предстает как расширенное поле человеческого космопланетарного бытия. В силу этого герметическая размерность философии позволяет осуществлять рефлексию (своего рода экоотражение) в трех параллельных дискурсах на трех уровнях бытия вселенной. Применительно к каждому философу высотность и низотность задается спецификой или концептуальностью философской теории. Например, В. И. Вернадский рассматривал онтологическое триединство как соединенность биосферы микрокосма и космоса Вселенной, при этом он считал, что научному исследованию «напрямую» доступна только биосферная реальность. В настоящее время происходит расширенное научное освоение мира, а значит, появляется возможность выстраивать научные путешествия в другие реальности: не только реальные, но и виртуальные, более того, задается пространство метавиртуальности — бытия сверхтонких миров в реальности нашего «привычного» мира. Тонкие полевые структуры вселенной, определяющие особенности природы и устройства головного мозга, доступны человеку именно в контек-

сте, связанном с мозгом как органом «вселенского чувства», которое пока дается не всем, но открыто как процесс его эволюционного развития. (В этом контексте размышление А. А. Зиновьева о человеичнике может иметь не только социологический или социально-философский смысл, но и космический смысл, ибо современное человечество во вселенной и может рассматриваться по своим когнитивно-познавательным возможностям как муравейник, а каждый человек как вселенский муравей, когнитивные возможности которого чрезвычайно малы по сравнению с «вселенским человеком».)

Институциональные формы ноосферной цефализации

Что же представляет собой цефализация человеческой цивилизации в контексте ноосферной самоорганизации? Прежде всего, это проблема формирования коллективного разума, который в определенных своих начальных формах носит характер государственного механизма, также эволюционирующего в процессе исторического развития, но в других формах предстает как сложнейшая социальная самоорганизация, которая иногда жестко противостоит государственной власти, а иногда, трансформируясь в процессе борьбы, сама обретает характер власти и в отдельных случаях становится государственной властью. Так, на протяжении последних столетий вступали в синергичное противостояние государственная власть и гражданское общество (которые, до известной степени, могут быть представлены как левополушарные и правополушарные способы освоения и регулирования социоприродной реальности).

Модусы лево- и правополушарности достаточно разнообразны. (Применительно к герметизму эта форма соотносительности вытекает из принципа пола, ибо нет большей дополнителности в системе социального бытия, нежели дополнителность мужского и женского как в системе биологического пола, так и социального пола, гендера.) Ян и инь предстают именно как формы ментального (даже изображение единства «ян» и «инь» в круге через волнистую разделительную линию похоже на структуру лево- и правополушарного мышления).

К числу такого рода дополнителностей принадлежит основное геополитическое отношение воды и суши, религиозное отношение небесного и земного, географическое отношение Востока и Запада, Юга и Севера. Важной разновидностью «полиполушарности» может служить географическое разделение земного шара на западное и восточное, южное и северное полушария. В геополитическом и культурологическом смыслах эта «целостная система» полуполушарности оказывает существенное влияние на ход мировой истории, при этом следует учитывать, что планетарная континентальность (пятизначная материковость) может оказаться весьма важной для понимания процессов цефализации, становящейся в историческом времени ноосферы.

Закон Геккеля — Мюллера «онтогенез повторяет филогенез» дает возможность понять структуру мозга как способ эволюции биосферного универсума, иными словами, структура мозга отражает процессы, происходящие не только в живом веществе, но и косном, которое включает и космос, понимаемый как неживое вещество. Рамон-и-Кахаль одним из первых ученых установил такого рода взаимосвязь между организованностью космоса и структурой человеческого мозга.

Однако еще более репрезентативный вариант связан с тем, как структуры космоса проявляются в системе общественных отношений, в целом в моделях цивилизационного развития, которые могут быть названы цефализацией цивилизации. Представление о *космической социологии* может показаться несколько выходящим за рамки научного дискурса, но при этом следует иметь в виду, что начало утверждения этого направления в системе общественно-гуманитарного знания связано с работами русских космистов, в том числе А. Л. Чижевского, обнаружившего взаимосвязь космоса и человеческой цивилизации на уровне воздействия Солнца на планетарный биологический и мировой исторический процесс. В данном случае целесообразно обратить внимание на религиозный и мистический русский космизм. Для него целостность Вселенной космической и Вселенной земной не подлежит сомнению и представляет собой аксиому, из которой проистекают все последующие размышления. Вышеотмеченные моменты свидетельствуют о том, что для представлений о цефализации ноосферы (цивилизации) сложились не только философские, но и общенаучные теоретические предпосылки. Цефализация ноосферы в философском дискурсе предстает в контексте анализа структуры общественного (общечеловеческого, глобального, ноосферного) сознания, при этом структура сознания предполагает экспликацию типов, видов, уровней и сфер сознания.

Особенности всемирно-исторического процесса показывают, что процесс цефализации ноосферы проходил и проходит в рамках достаточно сложных как трансформационных, так и катастрофических обстоятельств.

Проанализируем некоторые из возможных сюжетов подобия цефализации в биологическом смысле и цефализации в социальном (ноосферном) смысле. На первый взгляд в этом случае мы находимся в рамках традиционного позитивистского подхода, ибо пытаемся перенести биологические закономерности на закономерности социального развития. Такой вариант эвристичен и продуктивен в силу многообразной эмпирической операциональности, но в той проблемной области, которая обозначена выше, необходима более сложная форма комплексности, чтобы получить новые репрезентативные результаты. Думается, что в этом случае требуется вся методологическая мощь русского космизма, чтобы нетривиальность такого рода подхода позволила установить корреляционную связь между развитием «живого вещества и интеллекта на планете Земля» [6].

Дву(поли)полушарность мозга ноосферы

История человечества показывает, что наиболее значимыми полушариями мозга ноосферы являются церковь (от организаций жрецов до современных тайных и явных конфессиональных форм) и университет (как форма светской организованности глобального знания в точках региональной презентации).

Церковь в истории человеческой цивилизации предстает в качестве одной из самых первых форм цивилизационно-институциональной цефализации. (Родовые формы социальной цефализации носили лакунный и фрагментарный характер; используя метафору П. Тейяра де Шардена, можно было бы сказать, что «щепки» сознания-разума еще могли стать основой костров человеческой мысли.) Процесс социальной цефализации интенсивно пошел именно с эпохи возникновения цивилизаций, именно тогда стали возникать

устойчивые формы бытия сознания-разума, которые на протяжении нескольких тысяч лет совершенствовались в синкопическом ритмическом формате (что напоминает совершенствование современных компьютерных форм в XX веке, прошедших большой путь эволюции за время жизни одного человека).

Церковь строит преимущественно образные (образно-поведенческие), а университет — вербально-логические (научные и общенаучные) реальности. Процесс взаимодополнения знания и сознания — формирования цельного знания — проявляется в явном виде в том, что для большинства университетов характерно наличие приуниверситетских храмов. На более высоком уровне реальности такая взаимодополняемость проявляется в единстве науки и религии. В этом контексте следует сказать, что мозг современной ноосферы предстает (по меньшей мере) как четырехядерный процессор, в котором свои симультанные процессы осуществляют не только наука и религия, но и философия и искусство.

Формационно-цивилизационный подход и социальная цефализация

Цефализация ноосферы осуществлялась по формационному формату: для первобытного общества было характерно родоплеменное устройство разума, в нем работало не только мифологическое сознание, но и старейшинское обыденное сознание. Размышляя о процессах развития человека, Вяч. Вс. Иванов утверждает: «Когда мы поем, это уже ноосфера, вынесенная за пределы нашего организма» [5, с. 21].

Но решительный скачок в развитии ноосферной цефализации был связан с возникновением первых цивилизаций: формирование письменности и городской среды обитания было похоже на формирование тела аксона, соединенного с другими аксонами (городами-полисами) посредством «дорог-дендритов». В этой ноосферно-семиотической (коммуникационно-знаковой) системе отдельные люди выполняли функции обмена веществом, энергией и информацией как внутри города-полиса, так и по отношению к другим системам. Цивилизация выстраивает таким образом сложнейшую социально-семиотическую сеть, которая очень похожа на нервную систему, но именно так и начинается формирование психосферной и пневмосферной (социально-нейронной) системы. Скорость передачи энергии в этой системе определялась характером тягловой (людской или животной) силы, так же передавалась и информация. Итак, специфика общественно-экономических формаций обуславливалась не только системой производительных сил и производственных отношений (это своего рода внешние факторы — формы вещной видимости), но и процессом обмена веществом, энергией и информацией в той или иной социально-экономической системе.

Специфика такого рода социально-культурной цефализации была напрямую связана с особенностями языкового взаимодействия: разноговорящие и разнопонимающие человеческие субстанции искали и находили способы коммуникации, обеспечивающие формирование Всеединства (в данном случае семиотического всеединства). В работах Вяч. Вс. Иванова показаны такого рода формирующиеся связи, в конечном итоге образующие семиотический универсум.

Семиотическая эффективность оказывалась важнейшим фактором выживания цивилизации, при этом наиболее действенными были простые жесткие

механистические формы передачи информации. Хорошим примером для пояснения данного положения является организация татаро-монгольского войска, в которой «цепная семиотическая реакция» осуществлялась с наименьшими искажениями и высокой эффективностью. В такого рода системах «людской» семиотики на первое место выступают личностные факторы вождя, предводителя, военачальника, если качества «главы» (головы) системы оказывались неадекватными, то эта система очень быстро вымирала. (Пример А. Македонского демонстрирует семиотическую эффективность идеальной системы с ведущим сильным звеном. Человек, обученный и воспитанный Аристотелем, своей исторической деятельностью показывает, что система с личностной организацией социальной цефализации осуществляет колоссальную по мощи цивилизационно-историческую работу.) Именно по причине того, что естественная цефализация наиболее органична для биосферно-ноосферной системы, такие формы, как самодержавие, королевская и царская власть, не утратили своего значения для самосохранения общества в его самых высоких ценностно-мотивационных проявлениях. Вместе с тем оказалось, что в плане биологической эволюции такого рода семиотическая доминантность чрезвычайно уязвима либо по причине того, что наследственная передача власти оказывается генетически экстремальной (так закончилась царская власть в России в силу наследственного заболевания цесаревича Алексея), либо по причине того, что власть может легко оказаться в руках властителей, не обремененных тысячелетними семиотическими традициями (социальными программами, веками доказывавшими свою эффективность в сохранении социально-генетических и культурно-генетических программ). Тоталитарные режимы псевдодемократического толка (типа фашистских и нацистских) окончательно похоронили идею «одновластия» в силу того, что эти режимы вели национальные государственные (этнонациональные и информационно-семиотические) образования к катастрофам. Сжигание книг, насаждение одномыслия с помощью средств массовой информации, уничтожение интеллектуального и культурного цвета государства — ее интеллигенции (какой бы противоречивой по своей натуре она не была) — все это свидетельствует о ярко выраженной семиотической деградации, которая в конечном итоге приводит к разрушению самого общества.

Так на протяжении нескольких тысяч лет сформировались модели национальной цефализации, каждая из которых отстаивала свою эффективность и приоритетность. Парадокс этого периода истории заключается в том, что отдельные этнонациональные образования хотели доказать свою «избранность» не столько силой ума и семиотическими ресурсами, сколько голый силой, в этих случаях законы истории ставили их на свое место. Военные интервенции в Россию в начале каждого столетия на протяжении последних пятисот лет свидетельствуют о том, что хитрый русский разум оказывался сильнее военно-силовой машины: можно было проиграть дебют, но когда игра переходила в эндшпиль, достаточных ресурсов для победы у агрессора не оказывалось.

Именно эта историческая закономерность — энергетика социально-семиотических структур — помогла СССР в конечном итоге победить гитлеровскую Германию, но эта же особенность и привела к разрушению СССР в 90-х годах XX века. История России хорошо показывает, что семиотический потенциал предстает как основной ресурс выживания. К сожалению, нынешняя правящая каста не понимает этой важной исторической закономерности,

навязывая ненациональные семиотические конструкции, размывающие идентичность, которая всегда спасала российское государство перед лицом внешней экспансии, какую бы модальность она не носила: военную, культурную, демографическую, экономическую, экологическую, нравственную или эстетическую.

Ноосферная цефализация в XX веке

В первой половине XX века совершается революция в системах социальной цефализации: телеграфные и телефонные средства связи, многочисленные транспортно-инфраструктурные пути сообщения, телевидение позволяют визуально-образно установить единый информационный универсум. В. И. Вернадский отмечал среди специфических особенностей формирования ноосферы именно средства связи на основе электричества. Неклассическая революция в науке обеспечила переход на принципиально иную стадию оразумления человеческой цивилизации на основе техноэлектронной цефализации. Как показывают исследования историков и культурологов, именно XX век стал веком становления совершенно нового уровня коллективного разума человечества, а значит, и особой формы ноосферной цефализации. Предпосылки мирового правительства начали складываться именно в XX веке, хотя возникновение Лиги наций не предотвратило катастрофического развития событий, приведших к мировой войне, существование ООН показывает также очень скромные достижения мирового коллективного разума.

После Второй мировой войны сложилась не только система двух сверхдержав, но и система двух полушарий, которые в соответствии с геополитическим раскладом обозначались как СССР и США. Но для СССР, который только что выдержал тяжелейшее противостояние объединенной Европе, осуществлявшей агрессию против Страны Советов, конфронтация с США оказалась предельно тяжелой. СССР в этой так называемой холодной, а на самом деле «комплексной» войне потерпел сокрушительное поражение: тоталитарная семиотическая система была не в состоянии противостоять «рыночной семиотике», хотя советская разведка (как система «потайной семиотики») обеспечила СССР ядерный паритет и создала условия для временного равновесия сил. Когда Запад наконец-то осуществил принуждение России к миру и покорности, сделал ее своим неравноправным вассалом, то фактически была восстановлена историческая закономерность противостояния Запада и Востока, прелюдией которого в XX веке случайно (или совсем не случайно) оказалась Россия, всегда выступавшая своеобразным медиатором прямого и открытого противостояния двух полушарий и двух суперконтинентов (Евразии и Панамерики). После того как «даманский инцидент» показал формальное и фактическое противостояние СССР и Китая, СССР оказался в состоянии войны на два фронта (в этом положении в свое время находилась Германия, которую спровоцировали на начало агрессии против Советской России). При этом очень важно, что сформировалась некая семиотическая триадность — паритетность: китайский, российский и западный семиотические универсумы стали факторами *цивилизационной дополнителности*, в системе взаимодействий которых и будет, очевидно, выстраиваться новая *семиотическая геополитика*. Как считают некоторые специалисты, США, пытаясь столкнуть Россию и Китай, в некотором смысле просчитались, ибо в конечном итоге беспрецедентное ослабление и унижение России при-

вело не к триадности, а к диадности: новому противостоянию двух сверхдержав — США и Китая. Россия вновь заняла свое — подобающее ей — место «мозо-

листого тела» планетарного мозга человеческой цивилизации, тем самым еще более отчетливо показывая действие принципа подобия в эволюционном процессе развития нервной системы и головного мозга и соответственно несовершенного, раздробленного, неоптимизированного информационно-семиотическими потоками коллективного разума человеческой цивилизации, в истории которой на протяжении тысячелетий утверждалась логика естественного отбора и борьбы за выживание, все-таки отвечающей, судя по всему, больше биологической, нежели социальной природе человека.

Глобальный семиотический универсум — важное изобретение человечества, обозначившееся уже во второй половине XX века.

В это время происходит утверждение глобальной социально-техносферной цефализации, которая связана с созданием всемирных телефонных сетей, а затем и всемирного интернет-пространства.

Весьма интересны сюжеты цефализации ноосферы в контексте вещественно-энергоинформационного развития техногенной цивилизации. Электрические линии созидались по проторенным железным и автомобильным дорогам, затем эти линии дополнились радиолиниями. Следующий шаг в цефализации был обусловлен созданием системы беспроводной связи, которая в конечном итоге стала космической и, значит, глобальной. Образ земли стал похож на планетарную модель атома, в которой спутники (ИСЗ) выполняют функции электронов, формируется своеобразная спутниковая отражательно-зеркальная поверхность.

Несовершенство *ноосферы современной человеческой цивилизации* в значительной степени зависит как раз от несовершенства процессов социально-цивилизационной цефализации. В этом смысле интернет-цефализация как особый этап развития также представляет собой предпосылку для дальнейшего развития универсальной всеобщей связи всех членов человеческого сообщества, но уже на принципиально новой, может быть, совсем не техногенной, а биогенно-полевой субстанции, скорость передачи информации в которой значительно выше, нежели ограниченность скорости передачи информации скоростью света. Такая своего рода постнеклассическая цефализация представляет завершение классического и неклассического этапов цефализации. История мировой науки свидетельствует о том, что всеобщая связь людей земли носит не только вещественный и энергетический, но и информационный характер. Он, в свою очередь, связан с телепатическими способностями человека. В. С. Солоухин в одном из своих произведений («Капли росы») высказал мнение, что у первобытных людей была телепатическая способность, а затем человек утратил эту способность за счет форм языка и письменности. Не следует признавать данную интуицию научно проверенной и доказанной идеей, но осмысление ее весьма продуктивно. Даже учитывая неverifiedируемость этого положения, следует считать, что возможность подобной семиотической петли неслучайна, ибо человеческая природа бесконечна и разнообразна, т. е. безмасштабна.

Телепатическая цефализация

Начнем с многочисленных примеров, которые показывают наличие социально организованных проекций цефализации, связанных с нетехногенными формами. Прежде всего о таких формах свидетельствуют многочисленные религиозные верования: медитации, шаманизм, спиритические сеансы.

Пробыв несколько лет на Соловках, П. А. Флоренский совершает удивительное открытие, о котором немедленно сообщает академику В. И. Вернадскому (очевидно, ученый был уверен в том, что письмо с этим открытием обязательно дойдет до адресата и станет достоянием научной общности). П. А. Флоренский не смог донести до потомков учение о пневмосфере во всей его полноте (из опубликованных дневниковых и эпистолярных текстов, по крайней мере, это не следует), но совершенно ясно, что он много думал над данной проблемой. Формирование концепции пневмосферы есть результат многотрудного осмысления религиозной цефализации человечества. Церковно-храмово-монастырское пространство, очевидно, может быть рассмотрено как ярко выраженная институциональность цефализации.

Победа атеистического мировоззрения в России, связанная с господством государственнической религии в стране и постепенным утверждением положения о том, что «Бог умер», на достаточно продолжительный период времени, затормозила все иные формы цефализации, кроме научной, но сейчас имеется возможность осмыслить этот процесс во всей его полноте. (Пример развития научной мысли в СССР при всех его противоречивых моментах следует рассматривать как материально-вещественную цефализацию, создавшую в течение очень короткого времени сложнейшую систему перетекания научной информации в библиотечных средах, в научно-исследовательских институтах и центрах, в разнообразных формах межличностной научной коммуникации. Следовало бы даже сказать, что именно эта форма и представляет собой идеальный тип социальной цефализации, если учитывать, что он оказался эффективнее более изоциренных и по времени более продолжительных форм создания общечеловеческого религиозного сознания. Научные формы цефализации сделали то, что не смогли сделать религиозные и философские, — создали модели общечеловеческого характера. Именно по этой причине проблема цефализации человечества возникает на самом крутом — экспоненциальном — взлете эволюции человеческого разума, связанном с многообразными формами рационализма.)

Научный модус цефализации в значительной степени носит уже не стихийный характер, а организационно-управляемый, цели движения вперед известны и выстроены как цели достижимые в отличие от религиозных целей, которые недостижимы и как бы наперед неизвестны, точнее сказать, не поставлены, еще точнее сказать — поставлены не самим человеком, а «силами, над ним стоящими» и ему по каким-то причинам неведомыми. В основном кризис современной цивилизации и связан с тем, что человечество само захотело устанавливать себе цели, которые могут иногда и не вплестаться в ход развития разума, а лишь отвечать телесно-материальной бытийно-антропологической сущности.

**«Ноосферный человек»
как проявление «метасоциальной» цефализации**

• Серия «Гуманитарные науки»

На определенном этапе развития отечественной и мировой антропологии укрепилось мнение о том, что биологическая эволюция человека подошла к своему завершению, что в значительной степени человек оказывается в русле социальной эволюции. Это методологическое положение использовано в данной статье, в частности в представлениях о социальной цефализации. Однако примеры детей индиго заставляют посмотреть на данную проблему с несколько иной стороны: перед нами пример антисоциальной эволюции, ибо человек учится выживать не столько благодаря, сколько вопреки некоторым проявлениям «техно-социального прогресса». Первое обстоятельство связано с тем, что для них характерно обратно-попятное движение к утверждению примата (доминирования) образного правополушарного мышления. Это в некоторой степени свидетельствует об опережающем отражении биосоциальной эволюции: для прорыва в новую человеческую формацию необходимо изменение человеческого качества прежде всего на субстратно-сознательном уровне. М. Шелер в этом контексте говорил о «человеке религиозном», смысл которого следует понимать не в узком, а предельно широком значении данного понятия. Своя особая версия цефализации ноосферы может быть обнаружена в творчестве Д. Л. Андреева, который «мечтает об объединении в будущем всего человечества, независимо от расовых, национальных, политических, культурных и религиозных различий людей. Решающая ступень к достижению этой цели — создание великой федерации государств (ВФГ). Ей будет предшествовать международная лига преобразования сущности государства (ЛПСГ) со своими филиалами во всех странах...» [7, с. 26]. При этом имеется возможность посмотреть на проблему более широко: цефализация ноосферы в контексте Розы Мира — сложнейшая организация более чем двух сотен слоев Шаданакара, дающих представление об устройстве «ноосферного мозга» планеты.

Современный этап человеческой эволюции предстает как формирование «космического человека», в известном смысле — человека ноосферного [8]. Именно в процессе нового этапа цефализации и будет формироваться ноосферный человек.

Вторая особенность хомо индиго — сдвиги в организменно-адаптивной сфере, человек приучается все более жить в агрессивных условиях техногенной среды, отвечая в то же время на вызовы более совершенной в некоторых отношениях и по отношению к некоторым ситуациям информационной среды, создаваемой в процессах компьютерной цефализации. Современный человек понимает способности своего мозга как компьютера (еще раньше он понимал самого человека как машину) в соответствии с собственным социально-культурным несовершенством, но, очевидно, придет время, когда он осознает примитивность своих представлений о возможностях мозга и выйдет за пределы своей компьютерно-математической репрезентации. (Уже сейчас совершенно ясно, что мозг обладает теми возможностями, о которых написано в священных книгах, но которые в силу некоторых обстоятельств еще не проявились в формулах ноосферной космической цефализации.)

Пока человек не понимает своих еще не открывшихся, но, судя по всему, запрограммированных природой способностей (избыточностей) для свое-

го поставленного в повестку дня космического существования. Именно в этом смысле, может быть, и следовало бы говорить об открывающейся эре «космической цефализации», о которой грезил в своих провидческих книгах К. Э. Циолковский.

Цефализация как закон вселенской истории

Современное общество — не важно, как его называть: «капиталистическое», «потребительское» или «сверхпотребительское» — глубоко больное и предельно неэкологичное общество. В этом смысле цефализация обретает неожиданные формы: ее «космическое воление» оказывается сильнее, нежели материально-экономические процессы, задававшие в течение долгого времени не только понимание истории, но и ее реальное бытие. Цефализация в контексте вселенской истории может рассматриваться как ее главный закон, как, говоря языком постнеклассики, аттрактор процесса самоорганизации в космопланетарной системе «Человек — Общество — Природа».

Вселенская история — это по большому счету и есть процесс биологической и социальной цефализации (т. е. тех форм, которые нам на сегодняшний день известны), но в ее ткань, без сомнения, вплетаются и формы ноосферной цефализации, которые нам пока не в полной мере явлены.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Комментарии // Вернадский В. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 663—729.
2. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. 383 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Рольф, 2002. С. 242—470.
4. Вернадский В. И. Пространство и время в живой и неживой природе // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. С. 210—384.
5. Иванов Вяч. Вс. Целесообразность человека // Новая газета. 2012. № 92. С. 20—21.
6. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля : проблемы космопланетарной экологии. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.
7. Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблемы духовности личности : (состав, типы, назначение) // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1998. № 3. С. 16—33.
8. Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М. : Маджерик, 2009. 367 с.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
10. Хакен Г. Принципы работы головного мозга : синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М. : Пэр Сэ, 2001. 351 с.